

оригинальная статья

Постклассическое правопонимание причинной связи: гражданская и уголовная ответственность

Владислав Владимирович Радов

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Россия, г. Санкт-Петербург; vv-radov@mail.ru

Поступила в редакцию 24.06.2021. Принята после рецензирования 03.08.2021. Принята в печать 09.08.2021.

Аннотация: Юристы не одно столетие объявляют тему причинности в праве наиболее трудной. Все это время доктрина идет по пути непримиримого поиска единственной и верной теории причинно-следственной связи. Однако попытки каждый раз оказываются тщетными. Отдельные подходы позволяют разрешить распространенные правовые конфликты, хотя всегда находится случай, разбивающий целую концепцию. При этом доктринальные споры обостряются усложняющимися противоречиями судебной практики как по гражданским, так и по уголовным делам. Правоприменители все чаще отдают решение вопроса о наличии или отсутствии причинной связи между противоправным поведением нарушителя и наступившими последствиями на откуп экспертам, перекладывая на них ответственность за разрешение вопроса права (причинная связь – признак *corpus delicti*). При этом исследователи до сих пор игнорируют преломление достижений современной философии и теории права в отраслевые воззрения на причинность. Известные с дореволюционных трудов (на русском и иностранных языках) примеры и аргументы к пониманию причинной связи отражены в ряде статей: утверждаются ее необходимость, объективность, данность. На примерах исследований и судебной практики в рамках постклассической теории права представлена конструируемость причинной связи для целей юридической ответственности. Отдельно рассмотрены вопросы терминологии, разночтений, причинности и вины, казуистики и формальности причинной связи, *common sense*. На основании последних результатов научных исследований ведущих зарубежных и российских специалистов по теории права, гражданскому и уголовному праву доказывается ключевой тезис: причинная связь – это правовой конструкт.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, уголовная ответственность, договорная ответственность, деликтная ответственность, правовой конструкт, релятивистская философия, судебная практика

Цитирование: Радов В. В. Постклассическое правопонимание причинной связи: гражданская и уголовная ответственность // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 3. С. 259–269. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-3-259-269>

В постсовременном мире жесткий детерминизм как принцип бытия и мышления вытесняется мягкой обусловленностью.

Илья Львович Честнов¹

Большинство юристов охватывает тихий ужас, когда они в заголовке книги или статьи встречают проблему каузальности.

Max von Rümelin²

Введение

Причинная связь как элемент основания юридической ответственности остается камнем преткновения в научных, нормативных и правоприменительных текстах. Сегодня ученые продолжают диссертационные исследования по данной теме [1–7], в итоге высказывая свою приверженность к одному из имеющихся подходов (теорий), усложняя его апологетикой. Приращение знаний о причинной связи развивает науку, однако в отдельных случаях происходит игнорирование максимы «*entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» (с лат. – не следует множить сущее без необходимости).

Отсюда словами Л. Виттгенштейна причинную связь можно назвать «неиссякаемым источником недоразумений» [цит. по: 8, с. 375].

1. Оценка терминологического соответствия

В философии, физике, медицине довольно глубоко исследованы понятия причины, условия, детерминации, что бессмысленно воспроизводить их здесь. При построении причинно-следственных связей юристы отождествляют *противоправное деяние* с категорией *причина*, а *неблагоприятное*

¹ Честнов И. Л. Юридическое мышление в ситуации неопределенности // Криминалистика. 2020. № 1. С. 76.

² Rümelin M. Die verwendung der causalbegriff in straf- und civilrecht. Tübingen: Mohr, 1900. S. 11.

последствие – с категорией следствие. Здесь очевидны те бинарные связи (причина – условие, деяние – причина, причина – следствие, деяние – последствие), которые поставлены под сомнение постструктурализмом, что небезосновательно [9, с. 621].

Итак, ключевое разночтение кроется в механическом отражении значения причины в слове «деяние» *in corpus delicti* (в составе деликта или преступления). Речь идет о том, что без достаточных оснований деянию автоматически приписываются свойства причины, а потому в первом начинают искать и исключительность, и необходимость, и генетичность. Для правоприменителя такой перенос – своеобразная привычка (*habit*): в решении по конкретному делу судья, указав на острую коронарную недостаточность как первопричину смерти больной женщины, записал, что причиной, приведшей к смерти, явились «именно действия врача С., не обнаружившего признаков острой коронарной недостаточности при обследовании пациентки»³. Приведенная путаница далеко не редкость, отчего лишь повышается неопределенность судебных текстов и вопросов обоснования ответственности конкретных лиц.

Равно следует оценить и практику выявления юридической причинно-следственной связи посредством специальных неюридических исследований, где обострено несоответствие понимания причины (причинения) в праве и в специальных областях знаний (науке, технике, искусстве, ремесле). Особенно явно это проявляется в уголовных делах о транспортных и ятрогенных преступлениях, в гражданских делах о компенсации морального вреда, взыскании упущенной выгоды и др. В частности, известны редкие случаи, когда эксперт правильно признает отсутствие причинной связи, например, между бездействием врача и смертью пациента, потому что причиной является заболевание. В итоге суд вынужден для вменения ст. 124 УК РФ, где последствия увязаны с бездействием: 1) отвергать выводы эксперта и писать, что причинно-следственная связь установлена, подразумеваемая связь, достаточную для вменения последствия конкретному лицу; 2) причину смерти сводить к бездействию обязанного лица⁴.

Подобные несоответствия распространены и в гражданском процессе, где спор о содержании и объеме термина возникает не только между правоприменителями, экспертами и сторонами⁵, но и между судьями разных инстанций (в т. ч. при спорах о юридическом значении непрямой, косвенной,

опосредованной причинно-следственной связи⁶). Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ (ВС РФ) поставила в упрек трем инстанциям нарушение положений закона за то, что суд первой инстанции проявил излишнее усмотрение – отверг вывод экспертов о наличии причинной связи, а затем, «не обладая специальными знаниями в области строительства и пожарно-технической безопасности, пришел к ничем не подтвержденному выводу о том, что возникновение ущерба могло быть вызвано действиями пожарной службы либо сильным ветром, иным обстоятельством»⁷.

На сегодняшний день сложилась ситуация, при которой участники процесса (суд, стороны, эксперты) вкладывают противоречивое содержание в понимание причинно-следственной связи. Это усложняет судебное доказывание при рассмотрении и без того трудных категорий дел.

2. Основания разночтений

Продемонстрированное непонимание заложено в терминологической эклектике – неточной (иногда вовсе отсутствующей) дифференциации фактической и юридической причинности («*factual and legal causation*» [10, p. 795]).

Фактическая причинность в понимании юристов – это как нормальный ход вещей (*ordinary course of things*), так и объективная детерминация, выявляемая экспертами: естественно-научная причинность [11, p. 827] (выдержка из судебного акта: «Смерть Е. наступила 16 апреля 2018 года на месте происшествия от открытой черепно-мозговой травмы»⁸).

В разработках российских специалистов в большинстве случаев сохраняется отголосок советской традиции: через концепции материализма и идеализма к дихотомии понимания материальной и идеальной связи. Выделяется т. н. *юридически значимая связь*, которая может быть материальной, идеальной, смешанной [12]. Взвешенный подход здесь выкристаллизован М. И. Ковалевым [13, с. 93]. Профессор буквально нейтрализовал упреки идеалистов «вульгарным» восприятием причинности по диаметру при переносе смысла от термина *причина* к категории *причина последствия*. При этом ученый категорически отрицал идеалистическое понимание причинности, выражал критику кантовской модели причинной связи.

Задачу установить связь между деянием и последствием постоянно затмевает стремление юристов доказать, что деяние нарушителя есть причина последствия (в этом одно

³ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 04.09.2014 по делу № 22-5055/2014 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ См. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 17.05.2019 по делу № 1-22/2019; Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.07.2019 по делу № 22-1496/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.07.2020 № 11АП-4179/2020 по делу № А55-35945/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ См. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.01.2020 № 57-КГ19-7; Апелляционное определение Белгородского областного суда от 27.11.2018 № 33-6482/2018; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.03.2020 по делу № 88-7185/2020 // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 26.01.2021 № 4-КГ20-65-К1, 2-2302/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 26.09.2019 № 49-АПУ19-18 // СПС КонсультантПлюс.

из различий объективной причинности от формальной). Такая особенность засвидетельствована в качестве ключевого положения докторской диссертации З. Б. Соктоева [4, с. 15].

Формальная причинность (как признак состава) – это инструмент регулирования границ юридической ответственности, и здесь важен вопрос не столько о причине, сколько о связи. К этому приходит и ВС РФ, утверждая, что в деликтной ответственности причинная связь не обязательно должна быть только прямой⁹, чем в дискуссии о причинности переносит центр тяжести с выявления причины на установление связи. Более того, высшей судебной инстанцией сформулирован ключевой тезис: «является ошибочным и указание судебных инстанций на то, что как в уголовном, так и в гражданском праве наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи между противоправным деянием и наступившим вредом означает, что это деяние лежит за пределами данного конкретного случая, следовательно, за пределами юридически значимой причинной связи»¹⁰.

Таким образом, расширяются рамки юридической ответственности за счет более широкого понимания формальной причинной связи. Ведь вряд ли кто-либо рискнет утверждать, что коллегия судей способна скорректировать объективную причинность. Не имея определенности в понимании собственно причинной связи, суды строят неопределенные конструкции, дифференцируя связь на прямую и не прямую (критерием признается то отдаленность последствий, то временной разрыв, то степень их предвидимости, то наличие привходящих явлений и др.). Зафиксирован тренд: уже воспринявшая приведенную выше неаргументированную позицию современная судебная практика и по уголовным, и по гражданским делам отходит от квалифицирующего значения причинности в зависимости от того, прямая она или нет.

При неправомерном бездействии показанная матрица абсолютизирует выявленную противоречивость. Неоднозначный для практики пример: должностное лицо органов опеки и попечительства А. не исполняет свои обязанности по отобранию ребенка из семьи, где в результате умышленных действий матери Б. малолетняя В. умерла от голода и общего переохлаждения организма. Судом установлено, что мать, «злоупотребляя алкогольными напитками, оставила малолетних беспомощных детей одних в нетопленном доме на несколько суток, чем обрекла их на особые физические страдания от действия низких температур и голода» [14, с. 79]. Смерть малолетней В. является условно отдаленным последствием и для содеянного матерью Б., и тем более для содеянного должностным лицом А. Установлено: последствие в виде смерти малолетней В. наступило по причине умышленных действий матери Б., которая создала угрожающие жизни условия голода и холода. Нужно ли вменять последствие в виде смерти ребенка бездействующему должностному

лицу (ч. 2 ст. 293 УК РФ)? Допустимо ли вменение одного и того же последствия (смерть ребенка) разным лицам в отсутствии соучастия и сопричинения? При прочих равных признаках состава преступления последовательность рассуждений о причинной связи в жизни будет такой. Во-первых, судебно-медицинский эксперт установит наличие причинной связи в содеянном матерью. Во-вторых, он же установит отсутствие причинной связи в содеянном должностным лицом. В-третьих, правоприменители без труда со ссылкой на экспертное заключение констатируют причинную связь в составе совершенного матерью убийства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В-четвертых, как ни странно, от усмотрения суда будет зависеть наличие причинной связи между халатностью А. и смертью ребенка. На этом примере видно, как мы легко строим юридическую причинную связь от умышленного посягательства на жизнь, но как трудно высказаться о связи для вменения халатности. Значит вина влияет на связь?

3. Причинная связь и вина

Ранее категорично отрицалось всякое привнесение субъективного в концепт причинности как признака ответственности. Однозначно против высказывались К. Биндинг, Ф. Лист, Т. М. Яблочков [15, с. 752; 16, с. 44]. В ответ на безусловное исключение субъективного из причинной связи последовала точная критика академика В. Н. Кудрявцева. Ее можно свести к тому, что при изолированном (лабораторном) восприятии причинной связи как объективной категории станет невозможным найти пределы ответственности [17, с. 254]. Ведь апологеты теории необходимого условия *conditio sine qua non* при установлении нескольких необходимых условий делают вывод: ответственность понесет тот, чья вина будет доказана. И в новейших публикациях юристы отмечают трудность различения причинной связи и вины, а В. В. Байбак считает неизбежностью их смешение в юридических практиках [18, с. 7–8]. Наиболее последовательно к проблематике отнесся М. И. Ковалев, который оправдывал наличие субъективного в понимании юридически значимой причинности социальным аспектом – человеческим поведением [13, с. 97].

В действительности мы строим причинную связь на основании комбинации: осознание – предвидение – желание последствий нарушителем. Это известные признаки вины, указанные в ст. 25 и 26 УК РФ, тогда как профессор L. Green предостерегал юридическое сообщество о рисках путаницы (*confused*) признака причинной связи с прочими элементами юридической ответственности [19, р. 546]. Смешение это заложено в законе. Вина зависит от предвидения лицом преступных последствий (ст. 25 УК РФ). Более широкой является категория предвидимости в гражданском праве, где она прямо или косвенно (через причинение) также

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 22.03.2021 № 18-КГ20-122-К4 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.01.2020 № 57-КГ19-7 // СПС КонсультантПлюс.

закреплена в законе (ст. 15, 451 ГК РФ, ст. 8 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Отсюда сама возможность предвидения последствий нарушения закона или договора демонстрирует субъективный признак формальной причинной связи. К тому же известно, что наличие или отсутствие формальной причинности зависит от желания нарушителя. Можно заключить: 1) неосторожность обуславливает типичное предвидение последствий и развитие связи; 2) умысел (или грубая неосторожность) – как типичное, так и нетипичное. Для целей юридической ответственности выстраиваются и соответствующие формальные причинные связи.

Подобные рассуждения – не новинка и уже встречаются как в немецком праве (если наступившие последствия, хотя и нетипичные, субъект желал – значит связь есть [20, р. 84]), так и во французском (судьи делают вывод об установлении причинно-следственной связи при наличии умысла или грубой неосторожности со стороны причинителя вреда [21, р. 85]).

Вину нетрудно отделить от естественно-научной причинной связи, но если речь идет о юридически значимой (формальной) причинности, то субъективный момент – ее неотъемлемое качество. По замечанию А. Н. Попова, и вина признается субъективно-объективной категорией [22, с. 13]. Мы не видим здесь сколько-нибудь значительного переосмысления понимания вины или причинности, на чем настаивают иные специалисты [23, с. 54]. Еще дореволюционные юристы не сомневались в этом: 1) Н. С. Таганцев писал о зависимости умысла и причинности [24, с. 271]; 2) Н. Д. Сергеевский уверенно указывал: «автор повода при наличности предвидения, точно так же признается ответственным за последствие, как и автор причины» [25, с. 345].

Полагаем обоснованными предложения отдельных современных авторов о прикладном значении открытого использования влияния вины на формальную причинность (ее установление в материально-правовом аспекте и доказуемость – в процессуальном) [23, с. 58]. Тем более, что опубликованные в 2018 г. в Оксфордском журнале юридических исследований результаты психологических экспериментов свидетельствуют о значительной детерминации решения о причинности параметрами вины [10, р. 818]. Таков здравый смысл (*common sense*).

4. Причинная связь *in corpus delicti* – это правовой конструкт

Удивительно, что отраслевые юридические дисциплины так неохотно воспринимают достижения философии и теории права. Дискуссия причинности в праве всецело подпадает под общую идею Ч. Варга: «Модусы бытия права – не более чем искусственные социальные конструкты, которые, несмотря на последовательное обезличивание

формализованными процессами, обусловлены личной ответственностью человека, принимающего решения. В частности, выражаемые таким образом убеждения заключают в себе толкование, мировоззрение, призвание, целесообразность, практичность – т. е. всю полноту человеческой сущности во всем многообразии свойств и способностей человека, включая, помимо разума, еще и эмоциональную культуру, интуицию, восприимчивость к мистическим влияниям и т. п., во всех их проявлениях» [24, с. 178–179].

Наиболее крупный исследователь причинной связи в уголовном праве Н. Д. Сергеевский объяснял дефектность закона «дисгармонией правотворящих сил» [27, с. 109]. Позднее станет понятно, что под дисгармонией скрывается социальное конструирование, а под классическими институтами юриспруденции – конструкты [26]. Я. И. Гилинский (и другие мэтры правовой науки: Н.-Н. Jeschek, А. Э. Жалинский, N. Christie) демистифицировал преступность [29, с. 22]: пришел к выводу, что преступление есть конструкт – выдумка («*invented*» [30, р. 2]).

Последовательно подобную мысль применительно к причинности в праве уже проводят J. Stapleton, называя правовую причинно-следственную связь *causal fiction* (причинность-выдумка) [31], а также L. Hoffmann, который категорично заявляет: «*Causal requirements are creatures of the law and nothing more*» (условия причинности – это порождение закона и ничего более) [32, р. 9]. Ближе к пониманию причинной связи как правового конструкта, хотя и с аргументами о фактической причинности и позитивистским подходом к правопорядку, подошел С. Л. Будьлин: «Центральная идея состоит в идентификации лица, которое могло минимизировать математическое ожидание ущерба с наименьшими издержками. Именно такое лицо и объявляется причинителем ущерба, и на него возлагается ответственность перед потерпевшим» [31, с. 150]. Эта идея аналогична концепции обуславливающей связи – причинной связи в преступлениях с невмешательством (по терминологии Н. С. Таганцева), т. е. бездействием [32]. Единственное – что уголовная ответственность здесь требует наличия у формального причинителя юридической обязанности предотвратить наступление вреда.

Н. Koziol (применительно к деликтам) оправдывает возложение ответственности по такой схеме тем, что вред должен быть предотвращен этим лицом [35, р. 134] (последнее в правовом поле нередко выражается в юридической обязанности предотвратить и в фактической возможности по формуле «должен был и мог»). Совершенно другой вопрос – какова вероятность предотвращения вреда? Констатируем, что последнее время при наличии у нарушителя юридической обязанности предотвратить вред суды демонстрируют достаточность любой вероятности предотвратимости последствий¹¹. В гражданском праве

¹¹ См. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 06.03.2019 по делу № 85-АПУ 19-1. Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1749432 (дата обращения: 15.06.2021).

возникают статистические подсчеты для достижения «баланса вероятностей», тогда как в уголовном праве не требуется даже такового.

Идет ли здесь речь о фактической связи? В действительности юридически значимая причинность (формальная) охватывает фактическую. Одним из первых в этом обоснованно усомнился D. Hamer [36, p. 176]. Фактическая причинная связь рассматривается хотя на основе объективной, но все же сдвигается в область социальных фактов и субъективируется правовой оценкой [37]. Мы полагаем, что все это есть формальная причинно-следственная связь, потому что так или иначе она выстраивается по механизму аскрипции (термин Г. Харта [38]), т. е. приписывания последствий конкретным актам (противоправного или недостаточно предусмотрительного) поведения – социального явления. С этим соглашается и J. Stapleton [31, p. 967].

Нам представляется более точным оценить причинную связь в праве через построение связей между правовыми явлениями. Например, примитивная модель: «просрочка исполнения обязательства вызывает убытки» – разве обоснованно называть эту связь фактической? Нарушение срока поставки товара само по себе не причиняет убытков покупателю, т. к. они вызваны к жизни деятельностью самого контрагента, например вследствие обязательств перед другими лицами. Однако правовые нормы позволяют сконструировать связь между такими явлениями и утверждать: причина убытков – просрочка исполнения. Обоснование Президиумом ВАС РФ взыскания с нарушителя договора упущенной выгоды подтверждает наши слова: «любой разумный продавец товара должен предвидеть, что неисполнение им своих обязательств по поставке товара может, в свою очередь, повлечь неисполнение обязательств покупателя перед другим лицом и возникновение у него ущерба»¹². Почему? Потому что есть обязанность исполнить в срок. Отсюда мы выстраиваем обыденным мышлением кажущуюся юристам очевидной причинно-следственную связь. В действительности мы снова наблюдаем механизм каузальной атрибуции, т. е. приписывания причины социальным явлениям (наглядно это проявляется в делах о просрочке застройщика по передаче объекта долевого строительства: «Между просрочкой застройщика по передаче объекта долевого строительства, отсутствием у участника долевого строительства жилого помещения на праве собственности и затратами, понесенными участником по вынужденному найму жилого помещения, имеется причинно-следственная связь»¹³), что в очередной раз подтверждает формальность понимания причинной связи и известную индифферентность квалификации правового нарушения в качестве причины.

Аналогичные особенности формальной связи применительно к § 226 УУ ФРГ прокомментированы А. Э. Жалинским: «состав связан с определенными последствиями, но они представляют собой в юридическом смысле лишь условия ответственности, и здесь не требуется решать крайне сложную задачу установления причинной связи» [39, с. 394]. Как далее замечает профессор, последствия лишь «приписываются», являются условием уголовной ответственности.

5. Постклассика. *Causation = Casuistry?*

Новейшая философия права показывает стремительное формирование постметафизического мышления, сопровождающееся «практическим поворотом». И. Л. Честнов подчеркивает: «практический поворот в юриспруденции призван, с одной стороны, найти связь между философией права, догматикой (теорией среднего уровня) и эмпирическим уровнем юридического знания и, с другой стороны, преодолеть разрыв между теорией права и отраслевыми (и специальными) юридическими дисциплинами. Ко всему прочему, практический поворот "расколдовывает" реификации антропоморфных категорий классической юриспруденции» [40, с. 14]. Указывая, что в действительности образец поведения (как и правовая причинность) не вытекает из нормы закона, а складывается из практики правоприменителей, И. Л. Честнов ставит ключевой вопрос, который мы обратим к проблеме причинности в праве: «Наиболее важным и достойным специального анализа является вопрос, как именно мыслят и действуют правоприменители и "обыватели" в конкретных юридических ситуациях?» [40, с. 14].

Докторское исследование З. Б. Соктоева доказывает, что в 75 % случаев (ученым было изучено 3356 уголовных дел) судьи решают вопрос о причинной связи интуитивно, без аргументации [4, с. 14]. Упреки в невозможности оценки причинно-следственной связи посредством чего-то иррационального (обыденное мышление, или common sense) не могут быть исключены или поддержаны сами собой. Ответ зависит от типа правопонимания: «так как мы не можем проникнуть в действительность, не внося в нее основанную на символе упорядоченность, предваряющую саму возможность нашего понимания действительности» [41, с. 128].

Юридический позитивизм, все еще преобладающий в среде профессиональных юристов (исходя из судебной практики и изысканий по вопросам причинной связи), потребует умозрительной правовой определенности¹⁴ и точной формулы причинной связи с опорой на действующее законодательство; хотя отсутствие сколько-нибудь

¹² См. Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 15078/12 по делу № А40-36805/12-37-133 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 8.

¹³ См. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2021 по делу № 88-6752/2021 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ В последнем монографическом исследовании формальная определенность и вовсе сведена к «состоянию», что игнорирует достижения теории права постсовременности; исключительность преподносимой Э. Е. Бершицким позитивистской трактовки правовой определенности лишь продолжает «заколдовывать» социально-правовую реальность [42, с. 130].

ясной дефиниции причинной связи объясняется тем, что закон – это не *ultima ratio* судебного решения, а его «старший брат» (в терминологии Н. Д. Сергеевского). Тогда как и объективность причинной связи, и рассмотрение с позиции факта, и выявление прямой и непосредственной связи, – все это неизбежно порождает мифологемы, но они, по выражению В. Н. Шиханова, «лишь отдаляют нас от понимания и без того непростой картины социально-правовой действительности» [43, с. 179–180]. Непризнание в сегодняшнем контексте конструирования причинной связи есть не что иное, как симуляция (по Ж. Бодрийару): причинная связь в праве объективна, причинное отношение всегда необходимо, исключительно, а причина (даже бездействие) порождает последствие (как продолжают доказывать современные авторы [5; 44]).

Причинную связь в праве из-за этого можно назвать мифом [40, с. 11], который поддерживает «одновременно возможность "объективной" связности причин и событий и возможность нарративной связности дискурса» [45, с. 6–7]. Вместе с тем последние научные изыскания, преимущественно по вопросам договорной и деликтной ответственности, опираясь на зарубежные разработки, демонстрируют критику догм о причинности классической юриспруденции.

Постклассическое правопонимание проводит в жизнь позицию иррационального со ссылкой на то, что эффективность нормы права заложена именно в человеческом измерении [9, с. 428]. К тому же «реальное не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально» [45, с. 69]. Иными словами – задача выяснить наличие или отсутствие причинной связи преследует цель разрешить правовой конфликт, а не найти истину. Так и вопрос о наличии или отсутствии причинной связи в конкретном случае несет функциональное значение в виде оквадрачивания круга юридически значимых случаев, требующих судебной защиты. Это позволяет нам говорить о пределах юридической ответственности (*score of liability*). Представляется, что подобная оценка находится в русле «практического поворота».

Так как картина мира (*Weltbilder*) в праве конструируется людьми, то собственно право не признается данностью, равно так и причинность как институт права. С точки зрения постметафизического мышления, И. Л. Честнов пишет: «Человекоразмерность, знаковость и практическая ориентированность – главные, на мой взгляд, модусы бытия права» [46, с. 17].

Ответ на вопрос о том, как решается в действительности вопрос о причинной связи при рассмотрении гражданских и уголовных дел, был затронут в работе Г. Харта и Т. Оноре [47], где все исследование сопровождалось внутренним убеждением авторов в правильности

понимания причинности с позиции обычного человека¹⁵. Рациональность обращения к обычному человеку (а не особенному мыслителю) отражается и в том, что каждое научное познание причинности сводится к «субъективному произволу конкретного ученого» (Н. Д. Сергеевский). В России сложилась иная практика: решение вопроса о развитии причинной связи преимущественно отдается на откуп экспертам (комиссиям экспертов), которые, имея гораздо больший ресурс осознания и предвидения, делают вывод для обычного человека (*prosoporeia*) со своих профессиональных позиций. В специальных вопросах (медицины, техники и др.) судьи являются обычными людьми, хотя и наделенными правом принимать решения.

Примечательно, что практике известны случаи, когда судьи демонстрировали человеческую симпатию к потерпевшему, на основании которой расширяли границы ответственности, самостоятельно выстраивая причинную связь, дополнительно ссылаясь на неправоту ответчика (в деле *Navigazione Libera Triestina Societa Anonima v. Newtown Creek Towing*) [36, p. 162].

Судебная практика в целом ориентируется на два шага, последовательно продемонстрированные в труде Г. Харта и Т. Оноре. Первый – это определение фактической причинности (с той оговоркой, которую мы сделали выше). Второй – установление объема юридической ответственности. В дальнейшем исследователи уверенно разделились на два лагеря: 1) те, кто считают первый шаг вопросом факта об объективной (естественной) причинности, а второй шаг – беспричинным вопросом права (J. Stapleton, R. Wright); 2) те, кто полагают, что фактическая причинность осложнена правовым суждением, а объем ответственности зависит от параметров причинной связи (D. Hamer). Сама форма и последовательность такого алгоритма является подходящей матрицей для разрешения абсолютного большинства случаев выяснения наличия или отсутствия причинной связи.

Иррациональное влияет на решение вопроса о причинной связи как в обычных случаях, так и в тех самых трудных ситуациях, где, по мнению многих специалистов, не срабатывают известные тесты необходимого условия и другие. Такое иррациональное впервые было выдвинуто Г. Хартом и Т. Оноре, однако тут же вызвало шквал критики о поспешности «правовой определенности». Отсылка к здравому смыслу не отрицает определенности, а, наоборот, позволяет прийти к ней тогда, когда формальная логика бессильна. Развивая эту доктрину, A. Summers в эмпирическом исследовании 2018 г. подчеркивает: «contrast between common sense and normative judgments is a false dichotomy» (дихотомия – здравый смысл и нормативные положения – является ошибочной) [10, p. 795]. Эксперименты когнитивной психологии по формированию причинных связей показывают, что обыкновенные люди довольно часто включают в процесс каузального отбора правовые установки [10, p. 820].

¹⁵ "...it is the plain man's notions of causation (and not the philosopher's or the scientist's) with which the law is concerned, seems to us to be true" [47, p. 1].

Следовательно, неверно утверждать о «заколдованности» посылок к *common sense*, наоборот – изучение процесса формирования причинно-следственных отношений позволяет «расколдовать» искомое.

Предвосхищая упрек в неправовом характере апеллирования к здравому смыслу при решении вопроса о причинной связи и возложении ответственности, приведем слова судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского: «Такая уверенность встроена в поведение вменяемых, этически зрелых людей, которым чувство права со *здравым смыслом* позволяют верно себя поставить в правопорядке и вести себя в нем согласованно с другими его участниками. Они вернее сойдутся именно на исполнении правил, а не на том, что кажется наилучшим и надлежащим сверх закона. ... Но гражданскому миру необходимо, чтобы граждане в решающей части держались правил, признавали собственность и договор, не причиняли вреда и верили в законный суд по канонам честной состязательности»¹⁶ (*курсив наш – В. Р.*). Право ведь примитивно сводить лишь к «механической» юриспруденции [48, с. 132]. «Новый анализ функций имен и дескрипций» и вообще новые типы аргументации могут «помочь юристам освободиться от представления, инспирированного в прошлом как догматической слепотой, так и скептическим сумасбродством» [49, р. 363]. Право, хотя и конструируется, призвано стремиться к эффективности в вопросах регулирования ограничения прав человека, наложения юридической ответственности, что, в свою очередь, требует современного научного обоснования закона и доктрины. Цель дискурса – совершенствование правоприменения [50, р. 37], практическое переосмысление догматики [51, с. 53].

Заключение

Посредством деконструкции термина *причинная связь* в праве мы выявили корни многих разрозненных взглядов и споров ученых: тот или иной подход к ее пониманию зависит не от онтологического смысла причинности (которого в праве нет), а от типа правопонимания автора, его целей и мотивов, социального контекста. Завершая рассмотрение этого трудного вопроса, остановимся на некоторых ключевых идеях:

1. Применение в праве терминологии причинно-следственной связи должно сопровождаться пониманием

условности тождества «знака и означаемого». Релятивизм юридических понятий ожидает признания в качестве первичного основания имеющихся противоречий. Недоговоренность по вопросам причинной связи была, есть и будет до тех пор, пока ученые стоят на разных методологических началах.

2. Фактическая и правовая причинные связи не имеют однозначного или устоявшегося понимания в юридической науке. Ученые и практики находят разное их соотношение, показывают взаимовлияние, выделяя непрямую, косвенную, опосредованную причинную связь. Фиксируем тренд: современная практика по уголовным и гражданским делам отходит от квалифицирующего значения причинности в зависимости от того, прямая она или нет. Учитывая произвольный характер этого критерия, мы одобрительно оцениваем такую тенденцию.

3. Реконфигурация причинной связи *in corpus delicti* позволяет корректировать границы юридической ответственности. Неопределенность последних «лечится» определенностью понимания причинности в праве.

4. Причинная связь в основании ответственности есть правовой конструкт, что исключает ее все еще постулируемые признаки: объективность, непосредственность, необходимость. Оставаясь предметом исследования правовой науки, она не может быть сведена ни к статичному институту, ни к простой выдумке. Она призвана нести прикладную пользу для сбалансированного разрешения правовых конфликтов мягкой обусловленностью.

5. Понимание функций причинной связи позволит найти ответы на «вечные» проблемы поднятой темы, а также разрешить споры, о которые ломают копыя всевозможные теории, тесты и концепции. Преломление постклассической теории права не только разрешает проблемы позитивизма, но и отвечает на вызовы абсолютного релятивизма постмодерна: позволяет «расколдовать» искомое понимание причинности без потери здравого смысла.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Благодарности: Благодарность за критику и поддержку изысканий по причинной связи выражаю А. А. Севостьяновой, И. Л. Честнову, В. Н. Шиханову. Неточности рассуждений исключительно мои.

Литература

1. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 1999. 410 с.
2. Кошелева А. Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 156 с.
3. Медведева С. Н. Криминалистические проблемы причинности в раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 195 с.

¹⁶ Мнение судьи КС РФ К. В. Арановского к Определению КС РФ от 06.12.2018 № 3110-О // СПС КонсультантПлюс.

4. Соктоев З. Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 408 с.
5. Зимирева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 228 с.
6. Игнатъев М. Е. Криминалистическая теория и практика установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 454 с.
7. Михайлов В. С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 239 с.
8. Агамов-Тупицын В. Критика системного разума. Екатеринбург-М.: Кабинетный ученый, 2018. 376 с.
9. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с.
10. Summers A. Common-sense causation in the law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2018. Vol. 38. № 4. P. 793–821. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqy028>
11. Moore M. S. The metaphysics of causal intervention // *California Law Review*. 2000. Vol. 88. № 3. P. 827–877. <https://doi.org/10.2307/3481196>
12. Филимонов В. Д. Проблема причинной связи в уголовном праве // *Уголовное право*. 2020. № 4. С. 83–89.
13. Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 176 с.
14. Мелешко Д. А. Смерть человека как квалифицирующий признак халатности должностных лиц органов опеки и попечительства // *Уголовное право*. 2017. № 5. С. 77–80.
15. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым, доктором уголовного права, ординарным профессором Императорского Училища правоведения, почетным членом университетов С.-Петербургского и св. Владимира. Часть общая. СПб.: Гос. тип., 1888. Вып. 2. [2]+XV–XXVIII+381–974 с.
16. Яблочков Т. М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Т. 2. Очерки законодательной и судебной практики. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1911. X+[1]+600+4 с.
17. Кудрявцев В. Н. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2000. – 315 с. // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2002. № 2. С. 254–256.
18. Байбак В. В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2014. № 6. С. 4–21.
19. Green L. The casual relation issue in negligence law // *Michigan Law Review*. 1962. Vol. 60. № 5. P. 543–576.
20. Wagner T. Limitations of damages for breach of contract in German and Scots law – a comparative law study in view of a possible European unification of law // *Hanse Law Review*. 2014. Vol. 10. № 1. P. 73–97.
21. Moréteau O. Basic questions of tort law from a French perspective // *Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective* / ed. H. Koziol Wien: Sramek, 2015. P. 3–91.
22. Попов А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 123 с.
23. Евстигнеев Э. А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // *Вестник гражданского права*. 2020. Т. 20. № 1. С. 33–59. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59>
24. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.
25. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1887. 434 с.
26. Варга Ч. Загадка права и правового мышления. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 407 с.
27. Сергеевский Н. Д. Современные задачи уголовного законодательства в России. СПб.: Типография Правительствующего сената, 1883. С. 105–133.
28. Hulsman L. H. C. Critical criminology and the concept of crime // *Contemporary Crisis*. 1986. Vol. 10. № 1. P. 63–80. <https://doi.org/10.1007/BF00728496>
29. Гилянский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя. 2021. 136 с.
30. Robinson M. V. Why crime? An integrated systems theory of antisocial behavior. N.-J.: Pearson Prentice Hall, 2004. 17 p.
31. Stapleton J. Legal cause: cause-in-fact and the scope of liability for consequences // *Vanderbilt Law Review*. 2001. Vol. 54. № 3. P. 941–1009.
32. Hoffmann L. Causation // *Perspectives on causation* / ed. R. Goldberg. London: Hart Publishing, 2011. P. 3–10. <https://doi.org/10.5040/9781472561022.ch-001>
33. Будылин С. Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 1. С. 111–151.
34. Радов В. В. Конфигурация причинной связи при бездействии обязанного лица // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. Т. 4. № 3. С. 278–286. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286>

35. Koziol H. Basic questions of tort law from a Germanic perspective. Wien: Jan Sramek Verlag, 2012. 380 p.
36. Hamer D. Factual causation and scope of liability: what's the difference? // *Modern Law Review*. 2014. Vol. 77. № 2. P. 155–188. <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12063>
37. Михайлов В. С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // *Вестник гражданского права*. 2018. № 3. С. 103–161. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2018-18-3-103-161>
38. Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1949. Vol. 49. № 1. P. 171–194. <https://doi.org/10.1093/aristotelian/49.1.171>
39. Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. 560 с.
40. Честнов И. Л. Философские основания юридической науки // *Метафизика права: мат-лы межвуз. науч.-методич. коллоквиума по вопросам методологии и методики юридических исследований / под общ. ред. И. Л. Честнова*. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 5–14.
41. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 412 с.
42. Бершицкий Э. Е. Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права. М.: М-Логос, 2021. 150 с.
43. Шиханов В. Н. Иррациональное в уголовном праве: между крахом юридической науки и ее новыми горизонтами // *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 16 октября 2020 г.)* Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. Т. 2. С. 175–181.
44. Кошелева А. Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 27 с.
45. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 238 с.
46. Честнов И. Л. Философия права в эпоху постметафизики // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2017. № 1. С. 8–27.
47. Hart H. L. A., Honoré T. Causation in the law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 1985. 544 p.
48. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 302 с.
49. Hart H. L. A. Philosophy of law and jurisprudence in Britain (1945–1952) // *The American Journal of Comparative Law*. 1953. Vol. 2. № 3. P. 355–364. <https://doi.org/10.2307/837483>
50. King B. E. Propositions about law // *The Cambridge Law Journal*. 1951. Vol. 11. P. 31–39.
51. Честнов И. Л. Постклассическая методология генезиса права – диалог традиции и воли // *Правогенез: традиция, воля, закон*. СПб.: Алетейя, 2021. С. 52–67.

original article

Postclassical Understanding of Causation in Law: Civil and Criminal Liability

Vladislav V. Radov

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecution, Russia, St. Petersburg; vv-radov@mail.ru

Received 24 Jun 2021. Accepted after peer review 3 Aug 2021. Accepted 9 Aug 2021.

Abstract: Causation is the most difficult legal issue. For every theory of causation, there is a case that breaks it. Meanwhile, doctrinal disputes are aggravated by the increasingly complicated contradictions of judicial practice in civil and criminal cases. Attorneys tend to give the matter of causal link between the behavior of the offender and the resulting consequences to experts, thereby shifting their responsibility for resolving the legal issue (*corpus delicti*). Researchers still refuse to use the achievements of postclassic philosophy in legal causation. Even modern publications often feature out-of-date examples and arguments that postulate necessity and objectivity of legal causality. The author used the postclassical theory of law to illustrate the structure of the causal relationship for legal responsibility. The present article covers various issues of terminology, discrepancies, causality and guilt, casuistry and its formalities, common sense, etc. Based on the latest domestic and foreign research in civil and criminal law, the key thesis reads as follows: "a causal relationship is a legal construct".

Keywords: causation, criminal liability, contractual liability, delicate liability, legal construct, relativism philosophy, case practice

Citation: Radov V. V. Postclassical Understanding of Causation in Law: Civil and Criminal Liability. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(3): 259–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-3-259-269>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Acknowledgments: I would like to express his deepest gratitude to A. A. Sevostyanova, I. L. Chestnov, and V. N. Shikhanov for their criticism and support. I bare full responsibility for any errors that might occur in this article.

References

1. Malinin V. B. *Causal relation in criminal law: theory and practice*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. St. Petersburg, 1999, 410. (In Russ.)
2. Kosheleva A. Yu. *Features of the causal relationship in the offenses committed by inaction*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2005, 156. (In Russ.)
3. Medvedeva S. N. *Forensic problems of causality in the disclosure and investigation of crimes against life and health*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Krasnodar, 2005, 195. (In Russ.)
4. Soktoev Z. B. *Causality in criminal law: theory and applied problems*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2014, 408. (In Russ.)
5. Zimireva L. A. *Causal relation in crimes against life*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2016, 228. (In Russ.)
6. Ignatiev M. E. *Forensic theory and practice of establishing causal relationships in the investigation of crimes*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2020, 454. (In Russ.)
7. Mikhailov V. S. *Causal relationship as a condition of tort liability*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2021, 239. (In Russ.)
8. Agamov-Tupitsyn V. *The critique of systemic reason*. Ekaterinburg-Moscow: Kabinetnyi uchenyi, 2018, 376. (In Russ.)
9. Chestnov I. L. *Postclassical theory of law*. St. Petersburg: Alef-Press, 2012, 649. (In Russ.)
10. Summers A. Common-sense causation in the law. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2018, 38(4): 793–821. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqy028>
11. Moore M. S. The metaphysics of causal intervention. *California Law Review*, 2000, 88(3): 827–877. <https://doi.org/10.2307/3481196>
12. Filimonov V. D. The problem of a causal link in criminal law. *Ugolovnoe pravo*, 2020, (4): 83–89. (In Russ.)
13. Kovalev M. I. *Problems of the doctrine of the objective side of the corpus delicti*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1991, 176. (In Russ.)
14. Meleshko D. A. The death of a person as a classifying element of negligence of child protection officials. *Ugolovnoe pravo*, 2017, (5): 77–80. (In Russ.)
15. Tagantsev N. S. *Lectures on Russian criminal law, read by Tagantsev N. S., doctor of criminal law, ordinary professor of the Imperial School of Law, honorary member of the universities of St. Petersburg and St. Vladimir. The part is common*. St. Petersburg: Gos. tip., 1888, iss. 2, [2]+XV–XXVIII+381–974. (In Russ.)
16. Yablochkov T. M. *Influence of the victim's guilt on the amount of damages reimbursed to him. Vol. 2. Essays on legislative and judicial practice*. Yaroslavl: Tip. Gub. pravleniia, 1911, X+[1]+600+4. (In Russ.)
17. Kudryavtsev V. N. Malinin V. B. Causal relation in criminal law. St. Petersburg: "Iuridicheskii Tsentr Press", 2000, 315. *Izvestiia vuzov. Pravovedenie*, 2002, (2): 254–256. (In Russ.)
18. Baibak V. V. Causality as a condition of contractual liability: a comparative legal sketch. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, (6): 4–21. (In Russ.)
19. Green L. The casual relation issue in negligence law. *Michigan Law Review*, 1962, 60(5): 543–576.
20. Wagner T. Limitations of damages for breach of contract in German and Scots law – a comparative law study in view of a possible European unification of law. *Hanse Law Review*, 2014, 10(1): 73–97.
21. Moréteau O. Basic questions of tort law from a French perspective. *Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective*, ed. Koziol H. Wien: Sramek, 2015, 3–91.
22. Popov A. N. *Guilt for crimes against life (Art. 105, 106, 107, 108 CC RF)*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii iuridicheskii institut (filial) Akademii Generalnoi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2016, 123. (In Russ.)
23. Evstigneev E. A. Issues of the relationship between blame and causation in tort law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2020, 20(1): 33–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-1-33-59>
24. Tagancev N. S. *Russian criminal law*, comp. and ed. Zagorodnikov N. I. Moscow: Nauka, 1994, vol. 1, 380. (In Russ.)
25. Sergeevskii N. D. *Russian criminal law*. St. Petersburg: Knizhnyi magazin A. F. Tsinzerlinga, 1887, 434. (In Russ.)
26. Varga Ch. *The riddle of law and legal thinking*, tr., comp. and ed. Antonov M. V. St. Petersburg: Alef-Press, 2015, 407. (In Russ.)
27. Sergeevskii N. D. *Modern tasks of criminal legislation in Russia*. St. Petersburg: Tipografiia Pravitelstvuiushego senata, 1883, 105–133. (In Russ.)
28. Hulsman L. Critical criminology and the concept of crime. *Contemporary Crisis*, 1986, 10(1): 63–80. <https://doi.org/10.1007/BF00728496>
29. Gilinskii Ya. I. *Postmodern criminology (neocriminology)*. St. Petersburg: Aleteiia. 2021, 136. (In Russ.)
30. Robinson M. *Why crime? An integrated systems theory of antisocial behavior*. N.-J.: Pearson Prentice Hall, 2004, 17.

31. Stapleton J. Legal cause: cause-in-fact and the scope of liability for consequences. *Vanderbilt Law Review*, 2001, 54(3): 941–1009.
32. Hoffmann L. Causation. *Perspectives on causation*, ed. Goldberg R. London: Hart Publishing, 2011, 3–10. <https://doi.org/10.5040/9781472561022.ch-001>
33. Budylin S. L. For the want of a nail. The causal connection and foreseeability of losses in Russia and abroad. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federacii*, 2020, (1): 111–151. (In Russ.)
34. Radov V. V. Chain of causation: omission committed by the obligor. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(3): 278–286. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-278-286>
35. Koziol H. *Basic questions of tort law from a Germanic perspective*. Wien: Jan Sramek Verlag, 2012, 380.
36. Hamer D. Factual causation and scope of liability: what's the difference? *Modern Law Review*, 2014, 77(2): 155–188. <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12063>
37. Mihailov V. S. Concept of factual causation and several issues of its practical application. *Civil Law Review*, 2018, (3): 103–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2018-18-3-103-161>
38. Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1949, 49(1): 171–194. <https://doi.org/10.1093/aristotelian/49.1.171>
39. Zhalinskii A. E. *Modern German Criminal Law*. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2004, 560. (In Russ.)
40. Chestnov I. L. Philosophical foundations of legal science. *Metaphysics of law: Proc. Interuniversity Scientific and Methodological Colloquium on the methodology and methodology of legal research*, ed. Chestnov I. L. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii iuridicheskii institut (filial) Akademii Generalnoi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2017, 5–14. (In Russ.)
41. Mamardashvili M. K. *Aesthetics of thinking*. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy, 2000, 412. (In Russ.)
42. Bershitskiy E. E. *Legal certainty and evaluation categories: a brief essay on the example of the elements of offenses in various branches of law*. Moscow: M-Logos, 2021, 150. (In Russ.)
43. Shikhanov V. N. Irrational in criminal law: between the collapse of legal science and its new horizons. *Problems of modern legislation in Russia and foreign countries: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 16 Oct 2020*. Irkutsk: Irkutskii institut (filial) VGUIu (RPA Miniusta Rossii), 2020, vol. 2, 175–181. (In Russ.)
44. Kosheleva A. Yu. *Features of the causal relationship in the offenses committed by inaction*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2005, 27. (In Russ.)
45. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Moscow: Postum, 2015, 238. (In Russ.)
46. Chestnov I. L. Philosophy of law in the era of post-metaphysics. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2017, (1): 8–27. (In Russ.)
47. Hart H. L. A., Honoré T. *Causation in the law*, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1985, 544.
48. Hart H. L. A. *The concept of law*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, 302. (In Russ.)
49. Hart H. L. A. Philosophy of law and jurisprudence in Britain (1945–1952). *The American Journal of Comparative Law*, 1953, 2(3): 355–364. <https://doi.org/10.2307/837483>
50. King B. E. Propositions about law. *The Cambridge Law Journal*, 1951, 11: 31–39.
51. Chestnov I. L. Postclassical methodology of the genesis of law – dialogue of tradition and freedom. *Legal genesis: tradition, freedom, law*, ed. Romashov R. A. St. Petersburg: Aleteia, 2021, 52–67. (In Russ.)